

Можно? И сразу возникает вопрос. Нет, не должен был один человек заменить собой Христу именно в данном театре, который великолепно сумел бы передать скрытую брань, рассказывать по-другому героях и их бригадах, и т. д. Это мощно — из Навои.

ческой немощи, когда скоро преступает худыми ногами и блас-
руко тянет вперед морщинистую
шею, но он и значитель в свое
просветленности разума народного
поднимающего грузин на ратный
подвиг.

[illegible]

ВЗЛЕТОМ театральной истории ее достижениям, сохранявшим свое значение и до наших дней, было и остается исполнение А. Хоравой и А. Вальдзее двух шекспировских ролей.

А Эки — роль, которая прошла бы по трем кругам творческого состава театра, воплощенная А. Хранов, С. Зияридзе и Э. Манджигалая.

Тот же декоратив, массивная и не
лестственная, тот же угол дюрис
серого камня, так же спускается
прямо из зрителей восточная секция
миллионов, стертая миллионами посеща
ющих... Разрывная темпета, луч сис
та ложится на прыгуню Афина
дочь Зевса, воздающую руки на
Фивах. Строго звучит хор...
дальше, сонна за сеном, пока не
увед прочь, глядя в будущее мер
ными глазищами, Эдип — спектакль
тот же, монументальный в патри
стический.

Но все же так различны они между собой — в деталях, в атмосфере, то более интеллигентной и страстной, то более суровой и безличастнейшей. Различия это идет прежде всего от своеобразия толкований образа Эдипа, предложенных тремя исследователями. С валькилерной музойостью раскрывает Хорава силу и трогательную недюжинную разуму, крушение всеобщей мечты Эдипа.

[illegible]

И все же это артисты одного театра, именно данного театра, помнящие и прославляющие его историю. Эта преемственность традиций столь наглядно раскрывшаяся на примере постановки пьесы Софокла «Еврей Уэллс», казалось бы, — лучшее подтверждение тому, что коллектив руставельцев — совокупность художников, верящих в свое сценическое прошлое, смело развивающих то своеобразное, что исконно было заложено в искусстве их театра.

НО посмотрим на гастрольную афишу театра, какие герои идут это искусство? Чарльз Элингс — симпатичный и ослепительный, полноватый, стелющийся, с длинными волосами, Телло, замерший в дождь. Демон, Провождатель, и другие, проносящиеся, дар. Какая такая характер, какие судьбы театр раскрывает великие душевные познания, сходящиеся героями, умеет передать пафос утверждения, который заключен в трагедиях спектаклях. И все же... На огромнейший из себя художник сцену не обидели на собственное творчество?

В гостальной репертуаре — три произведения о современности: три постановки пьес, посвященных событиям нашей жизни. Пьесы равны по теме, материалу, жанру. Хронологически сразу оговорим: пьесы Герасименко, Бондаренко и Мухоморова — это в основном явления радости жизни. Веселый незамысловатый спектакль «Повесть в любви» Бориса Бондаренко, Артемий вместе с режиссером М. Туманяшвили спустился в атмосферу беззаботной радости, молодости, широты человеческого общения. В центре — молодой герой — влюбленность, которые в рождет подлинное комедийный эффект. Что стоило свенна, когда Г. Герасименко (он впоследствии молодого кавказца физкультурника) в «Повести в любви» (вместе с глумливой) осматривает свою жизнь в небольших деталях воссоздавая на сцене квартиру. У артиста — истинный волюга являюся — унылым, истинно комичным, рождает в нем столько положительных эмоций, что в «Повести в любви» артист —

ческого искусства вообще. С тонким юмором и полным серьезом изображающийся спортсмен Леонид К. Михарадзе, есть наивная достоверность у Р. Чхикадзе (Велжик).

Словом, «Повесть о любви» — и приятельское, и жанровое, и эстетическое, и славное, и театральное, и может быть, претендующее на особые обобщения, но в след за неземным, но веселой пьесой К. Буаччи утверждающий мораль светлую, приятельскую.

Наверное, можно было бы предположить, что такое спешеческое толкование пьесы, в которой наявная комедия сочетается с нитойнальной лической, прочитана ее, если только так выразиться, более сердечна, на одном дыхании. Сейчас стремительное развитие действия где-то рывется, и мысль, во имя которой ставился спектакль, тервется а избытком режиссерских отступлений.

Но, как бы то ни было, поставка эта, показывая на гастроли правду, а не своеобразие, и многообещающе... Почему многообещающе? Да потому, что в ней можно заметить некоторые признаки нового в сценической манере театра. Естественно, в рамках комедийного жанра.

Поиски новых средств театраль-
ной выразительности, попытки
снять, как день сегодняшний, до-
жен быть отражен в искусст-
вах, являются сейчас всех, особен-
но молодое театральное поколение,

Прорицатель — С. Закарнадзе
Рис. Р. САЧЛЯН

том числе и молодых художников Театра имени Руставели. На спектаклях М. Туманишвили мы знакомились словно совсем с иными театром, во многом отличным от того который дал «Цара Занпа» и «Базтрония». Что ж, вряд ли можно было предположить, что П. М. Гогуа или А. Арбузова целесообразно ставить буквально теми же приемами, что и Софокла. Драматургический материал, естественно, предопределяет иной строй выразительных средств.

ТЕАТР остановил свой выбор «Иркутской истории». Вот пьеса, которая, казалось бы, могла содействовать коллективу в раздумьях о новом, в его стрем-

В спектакле М. Тузовнишвили, — говорит — в крайнюю перегруженность всепиской, тавтологичность, хорошие, но мало натянутые, есть сцены интересные, есть интересные режиссерские удачи. Некоторый ущерб нанесен, правда, тем, что не всегда необходимые текстовые изменения, которые сделал автор. Не оправданы и нине выдумки постановщика. Зачем, скажем, в начале первого действия, когда еще не ясно, о чем пойдет речь, — такую бу на мосту, а брачную ночь проводить в лозе? Вель это не помогло найти верное и свое прочтение мысли. Не помогло, ибо он не обрел главного, не научил своих зрителей думать о жизни, решать эту жизнь не помог ни постепенно, на вынужденных делаться людьми все более авторитарными, крупными, а потому

Интересная, разнообразная артистка С. Канчани. Но есть ли в Валенте настоящие духовные ценности, которые заставляют забыть об оскорбительной кличке «едешки»? Нет. Почему артист Манджидзев, который умеет думать и чувствовать в пьесе об Эдипе, так злобно-равнодушен к роли Сергея, темпераментный Чхиквадзе поиздевался над Виктором?

Хор — это спектакль индивидуализированный. Хор — это друзья Вали Сергея. Друзья, которые сочувствуют им, которые помогают. Режиссеры из героев спектакля мучаются, но трудный для себя вопрос жизни, а рядом — один из друзей, чей человек из Хора, выслушавший свои мысли, поверивший раздумью... На другом участке пути — другой спектакль, другой поверенный. Что же, можно и так решать проблему Хора.

патетику этого образа, рассказать
что Хор — большой друг героев
имя которому — их бригада, их
коллектив, их стройка. Это мощ-
ный и суровый друг — их Народ.

ЗРИТЕЛЬНЫЙ зал театра. По его освещенному проходу плывет Закиридзе в своем звучном голосом провозгласил начальные слова пьесы П. Когоута. Подошел к сцене, задумался, обернулся к зрителям и сразу — одна, две, три фразы, сразу с зыгнущей и силой повал, потащил за собой. Куда? За чей?

Куда? В мир черного бархата
черным готическим креслом, где один
стенным ярким пятном яляется
цветной ватраж с геральдическим
львом в середине, унизанным
склеп сцены. Ватраж, медные плиты
Лиды Матисовой да желтая обивка
дивана, у которого замерла, распро-
стершись, девушка (ее, негати сле-
вать, с волнением я улически на-
рвал М. Чехова)... А вокруг мрак. И
этот темной мир течет в страни-
тельном, все убыстряющем ритме
течет, чтобы оборваться, чиста-
жалью Лиды.

Зачем пришел нас на спектакль
«Такая история» Человек в мантии-
Знакардате? Ведь не для того же
чтобы показать, как полдюжины
духных людей развлекать Лигу
тисовую, чтобы затравить историю
своей, чтобы изобразить себя
прасавшим? Грубый вывол, но не
именно к нему приходило, когда
видишь, как вся сила инстинктов
себя повернуть вспять события му-
зыки содеявших человека, какую
являлись отзывом на делу спеш-
ного, что то, что то, что то, что
мая ее темноволосую голову к пле-
чу, то протяжная руку, чтобы при-
даться ее, а с силой обнимая
ограждающую... И все напрасно! Та-
гда ушла плесну из сферы разум-
ств, по существу, прохлывала в
сплошную, что то, что то, что то,
и шло, не спорит, не выводит для
своего выволоса из жизни. С особен-
но стремительностью, с подчеркнутую
динамикой ведет театр Лигу...
самобытность. Но ведь не об этом
же писал Коронут

РАЗВИВАТЬ традиции, искать в искусстве свои, новые — это право каждого, но и обязанность каждого по отношению к художнику. И было бы глубоко несправедливо завершить эти строки. Но думаю, направление поисков так или иначе наметалось в «Иркутской истории» и особенно «Такома» и «Белом море». Ибо в них верю. Разве нужно для того, чтобы утверждать новое — отвергать старое, племенитое искусство, от которого сорок лет назад мечта, создатель театра Кито Марамбаши, забыть эстетически назло? Разве можно в «Такоме» и «Белом море» создать образ Закарла — словом, свергнуть с пьедестала героя принципов и уважаемого? Разве не справедливым было бы в подборе современных пьес, и в принципах их эстетической интерпретации, в «Иркутской истории» брать и не новое и искусство русских великих, но по своему прекрасное, чисто и высоко.

Скажем так, разное толкование драматургии «Тяжелого детства» и «Искусства» — история, начавшаяся раньше. Неверно говорить, что искусство Театра имени Устуслаева давно вышло в некий-то мертвый формат. С разрывом в два десятилетия, но в одной и той же манере — это и есть искусство Театра имени Устуслаева. Такая громадная и правильная разница! Большая суровость, выносливость, большие напряжения, ритмы и простота форм. «Баухаус» — разве это не продолжение поисков нового театра? А разве не замечательный актёрский исполнитель?

[illegible]

ТЕАТР имени Руставели. Кому, как не ему, прославленному героизм и его сегодняшняя провала-вних. Воспитать самолюбие, немы-шающуюся ли в такие капризы крас-тоты человека современности! Какие-то горизонты откроются в особен-ном и высоком искусстве этого-особенного в прекрасного, может-быть, единственного в своем роде-патристического театра!

Т. ПЕЧАТОВСКАЯ